

ГЛАВА 1

ОХРАННИК НА ПРОПУСКНОМ ПУНКТЕ демонстративно никуда не торопился.

— Вот, — наконец сказал он, выкладывая на стойку мои вещи. — Все по списку. Украшение.

Он протянул браслет, который Эме сделала мне еще в пятом классе, и с тех пор я носила его не снимая.

— Куртка.

Вообще-то это куртка Коди, но именно в ней меня и взяли. Остальную одежду мне вернули раньше, когда я сдавала форму.

— И коммуникатор.

Стекло на комме треснуло.

— Стекло на комме треснуло, — сказала я.

— Вот горе-то, — безразлично отозвался охранник и протянул мне планшет. — Приложи палец.

Я пробежала глазами текст на экране. Там много-много словно говорилось, что все мои вещи возвращены мне в полном объеме, я получила личные документы и претензий не имею. Мое имя было написано с ошибкой.

— А деньги? — спросила я, ни на что особо не надеясь.

Ясно же, что не отдаст.

— Какие деньги? — очень натурально удивился охранник.

— Да ладно, — закатила я глаза. — Как я домой-то доберусь, мы у черта на рогах.

— Да не было там никаких денег! Еще до меня подрезали. — Судя по искренней досаде в его голосе, он не врал. — Я бы не взял. Ну не все. Вот твоя новая социальная карточка. — Он протянул мне пластиковый прямоугольник. — Условия знаешь.

— Не знаю, — сказала я мстительно, все еще злясь из-за денег.

— В течение двенадцати часов регистрируешься в соцслужбе, ходишь отмечаешься. Одно правонару-

шение в ближайшие полгода, хоть улицу не в том месте перейдешь, — возвращаешься обратно. Тебе положено социальное жилье и социальное пособие.

Я покосилась за окно:

— А социальный зонт мне не положен?

Дождь лил как из ведра.

— Не-а, не положен. — Охранник заржал.

Из-за дождя я видела еще хуже, чем обычно, но, кажется, на противоположной стороне улицы кто-то припарковался. Если потороплюсь — успею поговорить с водителем и, может, уговорю меня подвезти.

— Ладно, куда тут палец приложить? — заторопилась я.

— Сюда. — Охранник снова протянул мне планшет. — Ты это, осторожнее иди. Река разлилась, говорят.

Значит, сегодня в жилых блоках будет очень мокро. В прошлый раз на первом этаже воды натекло по щиколотку — откуда она только бралась, — воняло зверски, и одежда у всех отсырела и не сохла потом еще неделю, и Крина устроила драку, чтобы согнать меня с верхней койки, потому что там было почти сухо. Я поежилась. Вовремя меня выпустили.

Я натянула куртку на голову и выскочила под дождь. И тут же остановилась, не веря своим глазам. Эме. Да быть того не может. Волосы у нее стали ярко-красные, в нижней губе прибавилось колец, но это точно была она.

— Давай быстрее, плесень, мать твою! — заорала она. — Я тут два часа уже, блин, торчу! Весь город сейчас смоем к хренам собачьим!

Из-под оранжевого капюшона дождевика Эме улыбалась во весь рот, так, что ее и без того узкие глаза превратились в щелки. Я кинулась к ней и обняла — для этого мне пришлось нагнуться.

— Давай, пошли. — Эме, вывернувшись из моих рук, кивнула в сторону припаркованной машины, на которую я и возлагала надежды.

— Откуда у тебя машина? — спросила я, не придумав ничего получше.

Понятия не имею, что должен первым делом спросить человек, которого выпустили из тюрьмы. Но Эме никогда не водила машину — не доставала ногами до педалей. И никто из нас не водил, потому что откуда у кого-то из нас она могла взяться. И никто из нас никогда не был в тюрьме.

— Да разве это машина, — отозвалась Эме. — Это долбаное ржавое ведро. Взяла тут... Сказали, что тебя сегодня выпускают, вот решила приехать.

— А... больше никто не приехал?

На какой-то момент у меня появилась безумная надежда, что сейчас из машины выйдет Коди. Что мне просто не сказали, а он вернулся. Что этот момент, когда он крикнул «Беги!» — не считается.

— Нет, — отрезала Эме.

Нужно было хорошо знать ее, чтобы догадаться, что этот резкий тон — ее манера выражать сочувствие. Она прекрасно поняла, о чем я подумала.

Я еще хлопала сломанной дверцей, когда Эме уже рванула с места. Опрокинув по пути мусорный бак, она лихо вырулила на трассу. Я наконец разглядела, что машина управлялась рычагами, без педалей.

— Хренов дождь, — бормотала Эме, одной рукой крутя руль, другой пытаясь выловить сигарету из пачки.

Машину кидало из стороны в сторону, и у меня появилось подозрение, что Эме сидит за рулем первый раз в жизни.

— Ладно, сейчас в «Норт-бар», там накатим, согремся.

Я отобрала у нее пачку, прикурила сигарету и вложила в пальцы Эме. На правой руке у нее виднелись две новые татуировки.

Мы проехали пустырь, вдалеке промелькнул и скрылся Первый завод медоборудования — мы ехали вдоль границы Промзоны. Потом потянулись водоочистные сооружения. Дождем размыло свалку — мимо плыл какой-то мелкий мусор. Я вдруг вспомнила, как мы под предводительством Нико искали на этой свалке исполь-

зованные фильтры для респираторов, чтобы сдать их вместо почти использованных. Одна из первых его машинаций и точно одна из лучших.

— Мне в социалку надо, — сказала я. — Отметиться. А то, сказали, обратно посадят.

— Мать их, — снова завелась Эме. — Долбаные уроды. Тебе надо было пристрелить и их тоже к хренам собачьим.

— Вообще-то, — заметила я, не представляя, кого она имеет в виду под «ними», не чиновника же из социальной службы, — я никого не пристрелила.

Думаю, Эме об этом и сама догадалась. Иначе сидеть бы мне до конца дней.

— Ну и зря, — отрезала она. — Слушай, Рета... Не то чтобы мы не интересовались раньше, просто, знаешь, столько всего рассказывают про это... В общем, а что конкретно ты вообще-то сделала?

Когда Коди сказал, что два типа готовы заплатить за то, чтобы мы провели их в Вессем, я думала, он шутит. Потом он сказал, что они из Сити, и я поняла, что нет, не шутит. Просто нам сказочно повезло.

В Гетто каждый ребенок знает кучу страшилок про Вессем и мечтает до него добраться. Пара ребят из нашей школы даже пытались, но пошли не в ту сторону, заблудились, переночевали в поле, а утром их с позором вернули обратно. Конечно, потом они рассказывали, что дошли до самого Вессема, видели жуткие развалины мертвого города и едва спаслись от полчищ чудовищ, но никто им не верил.

Словом, в детстве все мечтают про Вессем. В действительности к тому возрасту, как этот поход становится по силам, ребенок уже мечтает о другом. Идиоты — жить в Чарна-Сити. Умные — найти такую работу, чтобы в перспективе можно было переехать в Чарну-Промышленную. В итоге все до, после и иногда вместо школы вкалывают на уборке дорог или на фермах, самым

везучим и впрямь удается прорваться в Сити — уборщиком, но все же в Сити! — и Вессем автоматом снимается с повестки дня. Да и верят в него после двенадцати только полные фрики. Нико был единственным человеком из тех, кого я знала, кто вырос и все равно хотел в Вессем. И даже нашел способ туда попасть.

Нет, я уверена, мы были не единственные, кто туда дошел. Просто у нас хватило глупости об этом рассказать.

— Что конкретно ты вообще-то сделала? — спросила Эме.

— А что говорят?

— Да всякое. Что вы завели этих ребят в лес и пытались ограбить и убить к хренам собачьим. Потом ты попалась, а Коди сбежал. Как-то так.

Я помолчала. Дождь усилился, машина виляла на мокрой дороге, по салону плавали клубы дыма.

Лучше бы мы и правда пытались их убить.

— Так это правда? Коди сбежал?

— Нет.

— А что тогда?

— Знаешь, давай потом, хорошо? — пробормотала я.

Эме резко затормозила — мы были уже у здания социалки.

— Подожди, я быстро, — сказала я, выскакивая из машины.

Экран на стене показывал то, что ему и положено было показывать в такой конторе, — счастливых людей, занятых честным трудом. Когда я вошла, там как раз крутился проморолик Восточных шахт. На экране появилась улыбающаяся семья шахтера (почему-то он ходил в защитной каске даже дома), затем карта — самый юг Промзоны, черт его знает, почему шахты называются «Восточные». Говорят, там хорошо платят и даже фильтры выдают по квоте, но шахта — она и есть шахта. Там всегда люди нужны.

Приложив комм к терминалу у входа, я получила номер и встала в короткую очередь. Людей оказалось немного — в такую погоду идти в социалку можно лишь по очень острой необходимости, — но сесть все равно было некуда, так что я десять минут подпирала стену, два раза посмотрела на веселого шахтера и его семью, один раз — на доброго доктора, призывавшего вакцинировать детей от гриппа Вентра, потом прокрутили короткий выпуск местных новостей (все как обычно — город процветает, пожар на мусорном полигоне успешно потушен, в Промзоне закрылся какой-то цех, ожидается временное повышение цен на электричество, в галерее Чарна-Сити прошло открытие международного конкурса голографических моделей), следом — рекламу программы дополнительного обучения самым востребованным специальностям. На словах «государственная компенсация расходов для лиц моложе двадцати» я заинтересовалась, но тут комм в моих руках завибрировал, и я двинулась к одной из сизых матовых дверей.

Социальный работник — женщина лет пятидесяти с отечным желтоватым лицом — смотрела на меня с подозрением. За ее спиной был все тот же экран, на котором снова улыбался шахтер. На столе перед женщиной лежал новенький респиратор. Когда я заходила, она приложила его к лицу и не убирала, пока дверь не закрылась.

Цвет моей новой карты — коричневый — сам по себе как бы намекал, что я теперь человек второго сорта. Когда я протянула ее женщине, та помедлила, словно раздумывая, стоит ли к ней прикасаться, затем все же взяла — брезгливо, двумя пальцами, за краешек.

— Не бойтесь, это не заразно, — сказала я.

Она поджала губы и сунула карточку в ридер на своем терминале.

— Реталин Корто, восемнадцать лет, первая судимость, — зачем-то прочитала она вслух. — Не могла придумать себе имя получше?

Я вздрогнула. Никто и никогда меня так не называл. Нашим шестнадцатилетним родителям показалось очень забавным назвать близнецов в честь своих любимых таблеток. Наверное, они и тогда были под кайфом — иначе я ничем не могу объяснить то, что они не смогли даже правильно списать название с упаковки. Но в младшей школе мы с братом сумели ясно донести до окружающих, что нас стоит называть Рета и Коди и никак иначе. А когда папаша слинял, мы с братом торжественно сменили фамилию в «таккере» с Корто на Немет, фамилию матери. Правда, дальше дело не пошло — во всех официальных документах у нас осталась фамилия отца. Но про это мало кто знал, и мы были довольны. С тех пор имя Реталин Корто я слышала только в полиции. Теперь, наверное, буду слышать часто.

Картинка на экране сменилась — там сажали деревья. Я присмотрелась — Государственному лесничеству требовались рабочие. Ну-ну. Двоюродный брат Эме как-то туда устраивался на сезон, говорит, один парень заблудился в болоте — и с концами, жуткое место.

Не дождавшись ответа, женщина принялась вбивать какие-то данные, одновременно повторяя то, что я уже слышала от охранника:

— Ты должна приходить сюда отмечаться. Три недели ходишь каждый день, потом — раз в неделю.

Я кивнула. Почему бы не ходить.

— Ты имеешь право на социальное жилье. — Она выложила на стол одноразовый магнитный ключ, на котором был написан адрес.

Знала я этот адрес — общежитие за авторазборкой, дыра дырой. Гетто внутри гетто.

— Придешь туда и регистрируешься по социальной карточке, бесплатно на три недели, потом надо платить, условия проживания тебе пришлют.

Я попыталась вставить слово, но безуспешно.

— Так, теперь социальное пособие. Его переведут на твой счет в течение четырех часов. Это прожиточный

минимум на три недели. — Она достала из ридера мою карту и швырнула мне через стол. — За это время найди работу.

— А если не найду?

Женщина подняла на меня взгляд. На экране за ее спиной шла реклама дыхательных фильтров. Мужчина в белом халате заканчивал объяснять, как важно ходить в респираторе и отслеживать уровень соединений фтора в воздухе. Наконец его сменил информационный ролик клиники для наркозависимых.

— Очень советую найти. В противном случае — ты знаешь место, где тебя обеспечат жильем и работой.

— На три недели? — спросила я.

Женщина моей шутки не оценила и поджала губы:

— Это все.

Я вздохнула и повернулась к выходу. Перспективы открывались радужные.

Когда в тринадцать лет мы с Коди нашли работу в теплицах, то считали, что нам несказанно повезло. Во-первых, там стояли воздушные фильтры — то, что там росло, предназначалось для Сити. Во-вторых, если не наглотать, можно было съесть немного этих даров природы в слепой зоне камер. В-третьих, там регулярно платили, причем деньгами, а наш отец в очередной раз решил, что пора и честь знать, поэтому деньги были вовсе не лишними. Единственное, что нас расстраивало, — это то, что по закону мы имели право работать только шестнадцать часов в неделю, с понедельника по четверг после школы. Нико говорил, что законы устарели и что при таком уровне социальной защищенности нам давно пора ввести упрощенную процедуру получения юридического статуса взрослого. Я его не особенно понимала, но руководство Государственных теплиц, надо думать, это мнение не разделяло. Они охотно нанимали подростков — никого старше восемнадцати мы в теплицах не видели. Для школьников это считалось не

работой, а подработкой, и обязательные для взрослых надбавки можно было не платить.

Эме как раз выгнали с работы в «Норт-баре», где она мыла полы и вообще все, что могло быть вымыто. К тому моменту уже было очевидно, что расти она перестала окончательно, и характер у нее портился все сильнее. В конце концов она швырнула в кого-то из посетителей пивной кружку за шутку про ее рост, и ее выгнали, даже не заплатив. Тогда Эме заявила, что в гробу она видала и школу, и работу, а лучше пойдет и сдохнет в пустошах.

Тенна, которую мы звали Тенью за сероватый цвет кожи, тоже не работала — как и ее легкие. Периодически у нее случались такие приступы кашля, что она начинала задыхаться, и в конце концов мы отдали ей все сэкономленные фильтры для респиратора, чтобы она могла хоть как-то дышать.

Поэтому, когда Нико предложил на выходных сходить в Вессем, оказалось, что причин не пойти как бы и нет. Он где-то нашел карту двухсотлетней давности, наложил на современные спутниковые снимки, где на месте Вессема был изображен непроходимый лес, проложил маршрут и деактивировал чипы в наших детских браслетах слежения, чтобы информация об экспедиции сразу не ушла в полицию.

Тень сказала, что проведет выходные у Эме, Эме — что поедет к нам, мы с Коди сказали, что пойдем к Нико, а Нико просто никто ни о чем не спросил. Как раз накануне его старший брат кого-то ограбил, и все внимание семьи было сосредоточено на нем. Наверное, не вернись он из этого похода, его бы не скоро хватились.

Мы вышли в пятницу днем, наплевав на школу, и дорога заняла остаток дня и почти всю ночь. Большую часть пути мы проехали по железке, забравшись в пустой товарный вагон. Нико время от времени посматривал на карту и в какой-то момент, забеспокоившись, велел нам прыгать, и дальше мы шли пешком. Мы отклонились с маршрута всего два раза. Первый — ког-

да оказалось, что, обходя озеро, мы слишком сильно взяли на запад, второй — чтобы по кривой дуге обойти военную часть, которой тоже не было ни на старых, ни на новых картах. Потом Нико вывел нас к пересохшему руслу реки, на берегу которой, согласно его карте, и стоял Вессем. К утру, когда мы уже едва не падали от усталости, стали попадаться первые постройки.

Вессем стал городом-призраком лет сто назад, уже после Гражданской войны, когда плохого вообще никто не ждал. Люди бежали ночью, побросав свои вещи, затаптывая тех, кто падал, бежали в панике, и никто так и не смог объяснить почему. Это была самая достоверная информация, которую Нико смог найти. Все страшилки появились гораздо позже. Но тогда, в ночь на девятнадцатое или, может, двадцатое августа, люди просто проснулись и поняли — надо бежать, немедленно и как можно быстрее.

Нико рассказывал это по дороге, и было видно, что он сам в восторге от того, что узнал. Беженцев, говорил он, записали как пострадавших от действий банд, сформировавшихся из остатков войск Возрождения Нации — после войны таких везде было полно. И почти везде написано, что появились они в шестьдесят четвертом году — на год раньше, чем на самом деле. Почти — но не везде. Например, в сведениях о перемещении запасов продовольствия, о поставках материалов для возведения временного жилья, о расходах на медицинские обследования громадного количества людей, о строительстве новой дороги СВ-14 — на северо-восток, потому что старая, наверное, вела напрямиком в Вессем. Это все мелочи, такие мелочи, на которые никто не обращает внимания, это же не военные архивы, в которых хранятся записи о мобилизации и переброске войск или о том, как Вессем закрыли на карантин. Гражданские документы никому не интересны, лежат себе в архиве Гетто и лежат. Конечно, надо получать специальное разрешение, чтобы их посмотреть, но если ты устраиваешься в архив уборщиком, то никому